

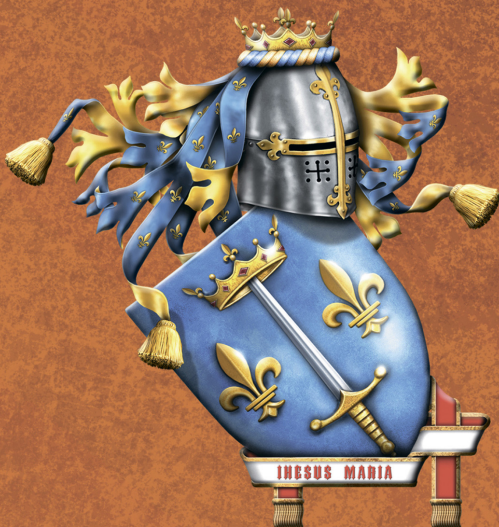
Юлия
АНДРЕЕВА

ДВОЙНИК
ЖАННЫ Д'АРК

МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Юлия Игоревна Андреева
Двойник Жанны д'Арк
Серия «Мастера
исторических приключений»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153376
Двойник Жанны д'Арк: Крылов; Москва; 2014
ISBN 978-5-4484-7599-3

Аннотация

По версии историков, Жанна – незаконнорожденная дочь орлеанской герцогини. Дофин, которого она сделала королем, предал ее, не выкупив из плена. Ее дорога – дорога девы-освободительницы, посланной Богом, зловеще освещается костром инквизиции, но, выбив из седла божественную Жанну, судьба не пожалеет тех, кто шел с ней бок о бок к победе или гибели.

Содержание

Под знаменем Девы	6
О том, как Брунисента ждала своего жениха, а Дева готовила наступление	18
Божье Наказание	25
Неожиданный гость	31
Тайна мадемуазель Анны	40
О войне и о любви	48
О том, как Анне ле Феррон удалось избавить Брунисенту ля Жюмельер от Божьего Наказания	55
Битва при Сен-Лу	65
О том, как Анна ле Феррон чуть не погибла за Жанну Деву, и о счастье, которое ниспослал ей Господь	74
О том, как Брунисента готовилась к свадьбе, а ее отец со свитой встретились с баронами лесов Нанси	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юлия Андреева

Двойник Жанны д'Арк

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2014

© Андреева Ю.И., 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Автор выражает сердечную благодарность
Юрию Романову за помощь в сборе исторического
материала.*

*«Я о тебе не напишу»,
Склоняя стрелки циферблата,
Как не положено к нулю идти.
И брызгами заката,*

*Как будто влагою живой,
Тебя лечу, себя калечу.
В тебя вольюсь и сам не свой
Себя над пропастью замечу.*

*И буду помнить, что люблю.
Боль не поймет, что ты – утрата.
Страдая ревностью кастрата,
Я о тебе не напишу.*

*И слов расслышать не берусь
Моей трагедии неожиданной
С последним криком: «Иисус!»
Ты на костре сгораешь Жанной.*

Юрий Романов

Под знаменем Девы

Черное бархатное небо усыпано бесчисленными звездами, точно покров Царицы Небесной укрыл благословенную Лотарингию. Брунисента затянула колыбельную, которую пела ей нянька-сарацинка.

Протяжная то была песня и прекрасная, о неотвратимой судьбе и сокрушающем на своем пути все преграды рыцаре Любви.

– Уже поздно, барышня, – тронула ее за плечо нянька, – пожалуйста в светелку, голубица моя сизокрылая. Не ровен час батюшка с гостем припожалуют. Девичья честь хрупка да нежна, словно цветочек аленький. Стоит черному взгляду упасть косо, скукожится и порвется, словно певучая струна на лютне трубадура. Пойдемте лучше шелковые нити по цветам подбирать, узоры вышивать или пряжу прясть. Придет гость долгожданный, а моя Брунюшка, яко праведница и белица, у окошечка сидит, иголочку в ручках держит, а перед ней свеча, точно лампада перед образом. Вот как надо жениху показываться.

Брунисента с тоской посмотрела на небо, образ Царицы Небесной теперь уже слабо читался сквозь крупные звезды. На лице девушки играли блики факела, который несла служанка.

С закатом солнца у ворот замка прозвучал рог, и отец сказал, что прибыл его старинный друг, тоже Гийом, Гийом ле Феррон. Много лет тому назад они условились, что когда-нибудь, когда выйдет срок, поженят своих детей. Поэтому граф велел дочери одеться в самые лучшие одежды и ждать в своей комнате.

С первым поручением Бруня еще как-то справилась, платьев у нее было всего-то два: одно – что на ней и второе свадебное. Последнее было выкуплено отцом в монастыре за деньги немалые и строгих нравов настоятельницей Иолантой одобрено. Это было лунного цвета платье с вышивками в виде анютиных глазок, сделанных монастырскими белицами. Длинные светлые волосы барышни расчесали и аккуратно уложили, украсив одной-единственной ниткой жемчуга. Вот и все свадебное облачение. Кто-нибудь сказал бы, что дочка графа одета бедно да скромно, но Брунисента все равно этого не знала и очень гордилась своим нарядом.

В ожидании, когда же наконец откроется дверь и на пороге возникнет красавец жених, Брунисента томила с прялкой в руках. Вздрагивало сердечко девичье всякий раз, когда за дверью раздавались шаги. Тогда Брунисента принимала заученную позу, скромно опускала глаза, и...

И обязательно в комнату вламывалась черная девка, служанка или кухарка, которым не терпелось поделиться тем, что слышали или видели. Бруня откладывала прялку, жадно слушая новые подробности о гостях.

Так она выяснила, что в замок пожаловал не сам жених, Жак ле Феррон, а его отец Гийом, который теперь и пьянствовал в трапезном зале вместе с отцом Бруни. Беда с этими мужчинами. Так можно до свету за прялкой просидеть, а они не сподобятся ни ее к себе позвать, ни сами зайти.

Брунисента подняла полные мольбы глаза в сторону окошечка, за которым темнело небо, в надежде, что Дева Мария услышит ее молчаливую просьбу. И действительно, не успела девушка произнести коротенькую молитву, как в дверь постучали и вошедший в светелку паж пригласил барышню спуститься с ним в трапезный зал.

Не помня себя от радости, восторга и страха, Брунисента скользнула в темноту коридора. Ей не был нужен свет, в замке она прекрасно знала каждую ступеньку, каждую щербинку на стенах, все здесь было знакомым и родным, точно замок был старым родственником самой Брунисенты ля Жюмельер, ее плотью и кровью.

Тем не менее она не пошла сразу же к парадной двери, а свернула по дороге и остановилась возле щели в стене, из-за которой лился неровный, теплый свет. Щель была большая, через нее, когда в трапезном зале никого не было, лазали кошки, любившие спать здесь в старых, обитых потертым шелком креслах.

Заглянув в щель, Бруня увидела как на ладони половину зала. Возле камина и по стенам горели факелы, трещали дрова в очаге, испуская неровный свет на серые, украшенные

старыми и давным-давно вышедшими из моды гобеленами стены. Соколы в шапочках спали на нашествиях, уставшие за день собаки тихо посапывали во сне, устроившись на специальном деревянном настиле и на изразцовом полу прямо под ногами у пирующих друзей. За большим, богато сервированным столом восседали отец с гостем. Незнакомый рыцарь был на вид сущий старец, в свете факелов поблескивала его кираса. У него были длинные спутанные седые волосы до плеч и бородища до пояса.

Брунисента удивилась, что за столом лишь двое едоков, а после сообразила, что остальные уже поели и теперь отправились отсыпаться после долгой дороги, в то время как отец и его гость ждали ее – и дело касалось лишь их троих. Шутка ли – два стариннейших рода желают соединиться через детей!

Девушка хотела уже отойти от щели и предстать перед гостем, как это и полагается благородной девице, но в этот момент Гийом ле Феррон заговорил, и Брунисента поневоле замерла у своего наблюдательного пункта.

– Ты хотел спросить меня о Деве из Вокулера? – старый рыцарь поднял кубок, разглядывая его на свету. – Что ж, теперь, когда мои провожатые оставили нас, я отвечу на твои вопросы, благородный ля Жюмельер. Что ты хочешь знать?

– Правду, добрый друг! Потому что с тех пор, как появилось это благословенное дитя, в моем сердце поселилась надежда. Я вдруг ясно понял, что все произойдет по пророче-

ству великого чародея Мерлина, который сказал: «Францию погубит женщина, но спасет девушка»! Я поверил, потому что чертовка королева уже сгубила Францию¹, накинув ей на шею петлю и затянув ее что есть силы. Потому что в моей стране все больше говорят на английском, нежели на французском языке, и скоро выйдет указ всем знатым рыцарям Франции лизать тощие зады английских ублюдков.

Тьфу! Прости господи! Одно только смущает меня, как можно нам, природным дворянам и рыцарям, служить под началом крестьянки! То есть поделом, конечно, нам за наше бездействие, но не до такой же степени!

– Крестьянки?.. – гость тихо засмеялся. – Говорят, Господь любит пастушек. – Старый рыцарь приподнялся в кресле и, подцепив с блюда кусок мяса, отправил его в рот. – Не стоит быть настолько доверчивым, мой друг. «Крестьянки» – это для толпы. Как думаешь, послал бы я в отряд маршала де Рэ моего единственного сына Жака, а в свиту Жанны свою единственную дочь Анну, будь Дева простой крестьянкой? Все не так просто, как об этом толкуют на рыночных площадях и в церквях. Скажи, к примеру, пустил бы ты в свой замок безродную дуру, вроде тех, что живут в деревне у реки, даже если бы она заявила, что действует от имени Бога? Дал бы ты ей денег, лошадь, броню, оружие, людей?

¹ Имеется в виду фактическое поглощение Франции Англией во время Столетней войны по договору 1420 г. в Труа, виновником чего народ считал Изабеллу Баварскую – жену впавшего в безумие короля Карла VI. – (Ред.)

– Пожалуй, что нет, но это-то меня и смущает...

– Не дал бы, потому что ты нормальный человек, который не привык раздавать направо и налево свое добро. Я полагаю, что как истинный христианин ты иногда принимаешь у себя нищих монахов и странствующих пилигримов, подаешь милостыню обездоленным, но ты не даришь им коней и смену одежды. Да что там ты и я. Я говорю о коменданте Вокулера, у которого снега зимой не допросишься. Но он, тем не менее, дал Деве вооруженную охрану, чтобы она могла посетить дофина. И дофин принял ее с почестями и доверил командование всеми своими войсками.

– Ты прав, как всегда прав. Возможно, Жанна нечто особенное, и увидь я ее, тоже проникся бы исходящим от нее сиянием и...

– Успокойся, я много раз видел Жанну, она не сияет, не сверкает и не плюется огнем, так что ее нельзя использовать для освещения домов или разведения костров. Спрашиваешь, отчего же она так полюбила королю? Думаю, ответ напрашивается сам собой. Потому что она далеко не крестьянка. Она дочь, – старый рыцарь подвинулся к графу и шепнул ему что-то на ухо. – Вот именно, бастардка. Скрывалась в никому не известной деревеньке до поры до времени. Рано или поздно Жанну выдадут замуж за самого выгодного во Франции жениха, а пока она прибыла к Карлу как чудо, и народ, поверив, готов идти за ней хоть в полымя. Попомни мое слово – Жанна исполнит свое обещание, снимет осаду с

Орлеана и коронует Карла именем Бога и на благо Франции. Ведь народ верит, что устами Девы говорит Отец Небесный, а значит, правление Карла, благословленного Жанной, будет воспринято как царствие небесное! Запомни, что я тебе скажу. Дева овладеет главными форпостами в стране, прогонит англичан и заключит с ними справедливый мир. Мир на равных, для создания единого войска пилигримов, как в старые добрые времена, и нового крестового похода за Гроб Господень! А там – либо победа над сарацинами и взятие Иерусалима, либо совместное христианско-мусульманское государство, как это пытались сделать Ричард Львиное Сердце и Саладин! Ты чувствуешь, Гийом, – процветание, богатство и слава! Вместо войн – мирная торговля, вместо раздоров – брачные договоры и братания! Царствие небесное! И все это может сделать она – Жанна, Дева-чудо!

– Значит, чудо Жанны – это политика. А я-то, старый дурак, признаться, почти поверил в «чудо» от Господа... – отец Брунисенты поскреб затылок. – Должно быть, так мы устроены, что жить не можем без чуда, ну хоть самого маленького. Помню, еще мальчишкой чуда искал...

Он мечтательно посмотрел на огонь в камине.

– Чудо! Да Жанна каждый день совершает чудеса. Да еще какие! Уже то, что она сделала с нашими солдатами, – это чудо! Заставить этот вонючий, вшивый сброд, который может только винище хлестать да бабам подолы задирасть, молиться два раза в день, исповедоваться – это чудо! Жанна

прогнала всех шлюх из лагеря, запретила маркитанткам спаивать солдат, заменила пьянство муштрой! Сначала офицеры тумачили солдатню на исповедь, а после шли туда сами, все, вплоть до генералов, которым, как известно, законы не писаны!

Она заставила людей почувствовать, что от их действий будет зависеть судьба Франции, вселила в них гордость и желание пожертвовать жизнью за свою страну! Если это не чудо, то я не знаю, что такое чудо! – ле Феррон поднял кубок и вылил его содержимое себе в глотку, его лицо покраснелось, глаза заблестели. – Я был посвящен в тайну Девы, когда той едва исполнилось четыре года, и благословил рождение в своей семье дочери Анны, поняв, что она будет служить госпоже Жанне. Служить мечом и щитом, служить, как служат мужчины! Ну разве не завидная доля?! С малолетства она обучалась плавать, управляться с лошадью, она одинаково хорошо владеет копьем, мечом и арбалетом. Кроме нее в ставке Девы находятся еще две девицы, обе из дворянских семей, которые состригли волосы и одеваются в точно такие же одежды, как Жанна, их броня и оружие сделаны совершенно одинаково. Они занимают разные походные шатры, с тем чтобы подосланный в лагерь Девы убийца не понял, где Жанна, а где ее отражения. Все сделано с особым искусством и старанием.

Ведь то, как выглядит Жанна, знают единицы – только те, кто находится непосредственно с ней, простые солдаты

обычно видят закованную в сталь фигуру. Среди телохранительниц Девы моя Анна самая талантливая. Она в точности скопировала походку и манеры Жанны, она может изменять голос, так что он становится как у Девы, что же касается владения оружием, то здесь она оставляет Жанну далеко позади себя, так как я обучал ее этому искусству с самого рождения.

Мы, то есть партия Девы, вспомнили древнюю легенду, связанную с пророчеством, и потрудились над тем, чтобы люди не забывали о Деве, которая должна прийти, чтобы сокрушить своей рукой супостатов. За много лет до того, как Жанна сумела поднять меч, оплаченные нами трубадуры пели о ней, не называя имени. Священники в храмах предрекали, что однажды по повелению Отца Небесного придет юная воительница, чтобы спасти всех нас. Сначала мы наполнили Францию мечтами о легендарной Деве, а потом показали им настоящую, ставшую воплощением пророчества.

С малолетства к Жанне были приставлены самые рьяные наши сторонники, которые тайно готовили ее к благородной миссии. Отец Гийом Фронт, делавший в свое время блистательную карьеру при дворе герцога Орлеанского, отошел от дел и поселился в качестве простого священника в деревеньке Домреми. Он взял на себя обучение и наставление Жанны. То же сделали еще несколько рыцарей, они поселились в окрестных деревнях под видом обыкновенных лесников, рыбаков и даже крестьян, для того чтобы защищать бастардку своими мечами, если на деревню или ее саму будет совер-

шено нападение. Благодаря этим, пока безымянным, воинам детство Жанны протекало безмятежно и тихо. Никаких отрядов вольных лучников, никаких разбойников, кроме бургундских рыцарей, и это, заметь, в стране, охваченной войной!

– Чудные вещи говоришь ты, друг! – отец Брунисенты поднялся с места и, подойдя к стене, поправил чадивший факел. – Чудные и прекрасные! Признаться, я не знал, как реагировать на растущую славу Девы. Но после твоих слов и, главное, после того как ты сказал, что твой благородный сын и твоя дочь мужественно служат делу освобождения Франции, я готов сесть на коня и биться плечом к плечу с ними, если только маршал или Дева позволят такому глухому старцу влиться в их отряд. И я хочу вступить в партию Девы, чтобы не на словах, а на деле быть полезным ее святой цели.

Тут Брунисента спохватилась, что слишком долго слушает не предназначенные для ее ушей речи, и тихо прошла в зал.

В ее головке теснились мысли о смелой девушке, сражающейся рядом с Девой, о ее брате из отряда самого маршала де Рэ!

Брунисента вошла и скромно склонилась перед восседавшими за столом мужчинами.

– А вот и Бруня! – старый рыцарь подлетел к ней, сгреб в объятия и поцеловал в щеку. – Выросла, похорошела, невеста, да и только! Ты меня помнишь? Помнишь, как я тебя

на шее таскал, как мы с тобой рыбу в пруду ловили, а ты брызгалась и смеялась? Не помнишь? Я тебе тогда гостинцев приносил и сейчас прибыл не с пустыми руками. Есть у меня для тебя жених, мой сын! Ждет тебя, цветочек, наш фамильный замок! Реки глубокие, холмы высокие, деревни богатые! Все будет у тебя, деточка, едва только воспрянет Франция под знаменем Девы!

Он поднял Брунисенту на руки и закружил, точно она все еще была маленькой девочкой.

– Хорошо бы сыграть свадьбу на майских гуляниях, – предложил отец Брунисенты. – Как думаешь, даст маршал отпуск твоему сыну?

– Даст. Об этом договоренность имеется.

Рыцарь поставил Брунисенту на ноги, почтительно склонившись перед ней, словно и не целовал, и не обнимал ее до этого, дыша в лицо терпким запахом отборнейших вин.

Почему-то думая о свадебном сговоре, Брунисента представляла, что приехавший за ней сват вдруг хлопнет в ладоши и откуда-то к нему выйдут разодетые в дорогие одежды сарацины с сундуками, полными сокровищ. Они раскроют перед ней их один за другим, так что в зале станет светло, точно днем, от испускающих свет и жар драгоценностей.

Но ничего этого не произошло. Рыцарь лишь надел ей на шею потемневший от времени медальон с зубом святой Екатерины и фамильным гербом ле Феррон в виде сокола, за-

жавшего в лапах меч, на крышке.

Гийом ле Феррон, старый рыцарь, повелел ей хранить эту реликвию как зеницу ока.

О том, как Брунисента ждала своего жениха, а Дева готовила наступление

Птица-ночь укрыла своими черными теплыми крылами благословенную или проклятую Францию, страну, где на престоле сидел безумный король, а армия мало чем отличалась от отрядов вольных стрелков да разбойников с большой дороги, где крестьяне съедали посевные зерна, потому что какой смысл сеять, если урожай все равно либо сожгут, либо отберут если не разбойники, так собственный сеньор.

Птица-ночь закрывала спасительной темнотой бедные крестьянские лачуги и башни одиноко возвышавшихся замков. Но в небе ярче обещания любви и спасения души горели звезды, и в их свете на лесных полянах весело кружились маленькие веселые феи и эльфы.

Они излучали свет и сами становились светом.

Свет от крошечных лампад, которые несли прихожане церковей в День святого Иоанна, струился по водам прекрасной Луары, свет отражался от кольчуг и панцирей рыцарей и их оружия. Светились мистическим светом сердца людей, в которых жили любовь, вера и надежда. Ярче пламени светилось сердце Жанны Девы, и на свет этот летели благородные рыцари, честные сквайры и простые люди, желавшие пере-

шибить хребет своей старой, никчемной судьбы ради судьбы новой, жизни вечной!

Прекрасное было время, прекрасное, страшное, но святое.

Мирно шуршали дешевые камышовые циновки под ногами в трапезном зале, где все еще пировали отец Брунисенты и его благородный гость рыцарь Гийом ле Феррон.

Счастливая и взволнованная сверх меры Бруня шла по замку не чуя под собой ног. Из кухни доносились приглушенные голоса и бряканье посуды, из темноты бокового коридора, ведущего в помещение дружины, слышались смешки и возня. Бруня остановилась перед лестницей в башню, где располагалась ее светелка, и прижалась к стене. Так о многом еще следовало подумать, так много всего вообразить себе!

– Просватана! – зазвенело в сердце девушки. Тут же откуда-то из леса ей ответили колокольчики ликующего вместе с ней лесного народа.

– Просватана! – прошептала она, чувствуя, как сладко забило сердце, и в то же время точно специально где-то в замке раздались мелодичные звуки канцоны.

– Просватана, – повторила она, прижимая пылающее лицо к холодной стене. – Просватана и невеста. Невеста, а скоро буду жена!

На счастье ли, на горе? На испытания или одного блаженства ради? Бруня возносилась уже мыслями к своему пре-

красному будущему, где рядом с ней смелый рыцарь из отряда самого маршала де Рэ, и, может быть, даже она увидит Деву!

Чьи-то добрые руки обняли Брунисенту и помогли ей одолеть узкую лестницу и подняться наверх, старуха Эсфырь и служанки раздели ее и уложили в постель. Бруня проводила мутным взором уносящееся от нее лунное платье и заснула, погружаясь в ночные грезы о прекрасном рыцаре, имя которого Любовь.

Прошел месяц, пролетел другой. Бруня готовила приданое, подсчитывая дни до свадьбы, но ни от жениха, ни от его отца не было никаких вестей. Меж тем в замок Лероз то и дело прибывали гонцы, разносившие по всей Лотарингии новости с фронта.

От них обитателям замка стало известно, что весной 1429 года Дева, теперь уже в чине главнокомандующего французскими войсками, направила англичанам, осаждавшим Орлеан, два письма. В них она уведомляла своих врагов в том, что она – Жанна, прозванная Девой, послана самим Богом и по воле его намерена снять осаду. Посему она просила англичан внять желанию Господа и освободить Орлеан добровольно, отойдя к Ла-Маншу и заплатив за разрушения, причиненные в ходе военных действий, причитающуюся компенсацию. За что им, англичанам, будут прощены все их прегрешения перед Францией и ее народом.

План наступления, разработанный Жанной, был прост и ясен, словно удар честного меча. Она рассчитывала идти на Орлеан по северному берегу Луары и разместиться временным лагерем на подступах к городу. Вокруг стен Орлеана англичане соорудили деревянные передвижные бастилии, которые закрывали также и ворота в город. Не было бастилии только у одних-единственных ворот. Жанна рассчитывала именно здесь прорвать оборону противника одним мощным ударом. После семимесячной осады город не только израсходовал свои силы, но и весьма истомил англичан, укрывшихся за своими бастилиями и стенобитными орудиями. Захватчики не ожидают от французов решительных действий, а значит, будут застигнуты врасплох.

Кроме этого, Жанна рассчитывала деморализовать противника своим личным присутствием, так как суеверные английские солдаты считали ее самым исчадием ада, посланным им на погибель, страшной французской колдуньей. Как сражаться с нечистой силой? А кто его знает как. Бежать нужно, пока не поздно, а не биться с тем, что выше твоего понимания. Бежать, пока черные силы не захватили твоей воли и не отравили проклятиями твоих потомков до седьмого колена.

Таким образом, один мощный и неожиданный удар мог сразу же обратить в бегство захватчиков, прорвав блокаду.

Слушая своего главнокомандующего, генеральный штаб

Жанны только посмеивался, генералы разводили руками или пожимали плечами. Виданное ли дело, стянуть все силы в одно место и затем нанести удар, в результате которого можно положить разом всю армию. Кто же так ведет войну? И откуда малолетка возьмет нужное количество солдат, когда загрохочут вражеские мортиры и две армии столкнутся в чистом поле? Именно солдат, а не отряды этого несчастного сброда, часть которого тут же поляжет, как скот на бойне, и часть дезертирует? Солдат, которые будут защищать своего дофина?

Поэтому они решили не слушать навязанную им Карлом Жанну, а, полагаясь на собственный опыт, в назначенный для выступления день увести войска не на северный, как хотела Дева, а на южный берег, где можно, встав лагерем, готовить постоянные и планомерные вылазки.

В воинстве Девы перед выступлением на Орлеан ощущался душевный подъем. С вечера оруженосцы клепали латы, чистили мечи, арбалетчики запасались дротиками и стрелами. Предчувствуя бой, лошади ржали, перебирая копытами и дрожа от охватившего их возбуждения. Наблюдая за опытными воинами, новобранцы старались не выказывать своего страха, балагурия и славя посланную самим Богом Деву.

«Дева на нашей стороне, значит, Бог будет над Орлеаном, и его ангелы-полководцы незримо встанут среди французов, плечом к плечу сражаясь за свободу любимой Франции», —

говорили в отряде.

С рассветом войска пустились в путь. Не догадываясь об измене, во главе первой колонны Жанна достигла Оливе, только тут обнаружив подлый обман и предательство. Между солдатами Жанны и расположением англичан была река!

– Скажите мне, Бога ради! – запинаясь от охватившей ее ярости, кричала она военному совету. – Где нуждающийся в нас осажденный Орлеан? Что-то я его не вижу!

– На другом берегу, госпожа, – ответил ей недавно прибывший в ставку бастард Орлеанский².

– На другом берегу! – Жанна плюнула на землю, и генералы проследили за тем, как плевок шлепнулся в дорожную пыль. – На другом берегу, а продовольствие для голодающего города – на этом! А рвущиеся в бой солдаты – на этом! Как я должна снимать осаду с города, если он находится на противоположном берегу?! Мои воины еще не научились летать, яко ангелы небесные, или, может, вы умеете? В таком случае я вынуждена сложить с себя полномочия и предоставить генералам, умеющим летать, вести за собой войско!

Позже понявшие глупость создавшегося положения генералы сделали попытки прикрыть свой позор, но молва сделала свое дело. Причем слухи упорно крутились вокруг двух

² Бастард Орлеанский – прозвище Жана де Дюнуа, знаменитого военачальника, внебрачного сына Людовика I, герцога Орлеанского, до получения Дюнуа графского титула.

объяснений того, как войска Жанны оказались на южном берегу. Одни были уверены, что это заговор, другие же склонялись к предположению, что генералы попросту перепились и случайно завели войска не на тот берег.

И если первая версия по причине недоверия ветеранов неопытному главнокомандующему получила свое распространение среди дворян, вторая была почитаема у простолюдинов, искренне не понимающих, как можно не доверять Божьему посланнику, чьими действиями незримо управляет Отец Небесный и за чьей спиной стоит высший военачальник, главнокомандующий воинства небесного – Архангел Михаил!

Божье Наказание

Прибывший в замок Лероз гонец так и не сумел объяснить, почему в назначенный день не получилось решительного штурма и отчего Дева не бросила все свои силы в едином смертоносном ударе на осаждавших Орлеан англичан.

– Не повела в бой, значит, так и нужно было, мое дело маленькое – передать что велено. А думать, пусть господа думают... – парень пожимал плечами, косясь на ожидавшего подробностей графа.

21 апреля Жанна снарядила обоз с продовольствием, командовать которым взялся собственной персоной маршал Жиль де Рэ. Никто не верил, что груженный обоз пройдет сквозь кольца осады, но Дева убедила маршала, что его людям и ему лично ничего не угрожает. На все время пути обоз точно сделался невидимым для английских часовых и ясным, солнечным днем, сопровождаемый небольшим отрядом, прошел мимо постов англичан и беспрепятственно проник в город.

Отец Брунисенты пытался получить более подробную информацию, но парень больше ничего не знал. Поэтому граф просил его снова и снова пересказать все с самого начала, пока не запомнил мельчайшие детали предприятия.

Брунисента же поняла только одно: даже если Жак ле Феррон и сопровождал маршала в этом почетном и опасном де-

ле, он жив и невредим, а значит, ничто, кроме, конечно, нового подвига, который юный рыцарь пожелает совершить во славу своей дамы, не помешает ему явиться в Лероз, и свадьба состоится в мае.

Новый гонец протрубил в рог под стенами замка уже через неделю. Он сообщил, что 4 мая Дева совершила свое очередное чудо, и второй обоз с продовольствием для жителей города с успехом прорвался к Орлеану, потеряв всего сто человек против восьми тысяч, которых оставили англичане под стенами города при поспешном отступлении.

8 мая осада была снята, страна ликовала, прославляя Деву и возрождающуюся Францию, ликовал и замок Лероз, пока радость не была омрачена третьим гонцом.

Из Лявро от славного рыцаря Гийома ле Феррона было доставлено письмо, в котором почтенный рыцарь сообщал, что среди ста героев, павших под стенами Орлеана, был его сын и жених Брунисенты рыцарь Жак ле Феррон.

Безутешный же отец немедленно отправляется с небольшим, собранным на собственные средства отрядом к освобожденному теперь Орлеану, с тем чтобы отыскать и привезти в фамильный склеп останки своего сына.

Черное вдовье покрывало ночи опустилось на замок Лероз, заставив счастье смениться горем, а Брунисенту рыдать дни и ночи напролет. И хотя вся Франция после побед Жанны начала оживать, точно пробужденная от долгого мертвого

сна принцесса из старинной легенды о графе Раймоне Шестом и даме Глории, бедняжка Бруня чувствовала себя отчаянно несчастной. Видя ее страдания, отец качал головой, ворча, что-де дочка оплакивает жениха, с которым даже не была знакома.

В конце концов, на празднике дня рождения коменданта крепости Вокулера он получил предложение обвенчать Брунисенту с легендарным рыцарем Жиро де Вавиром. Рыцарь этот имел прозвище Божье Наказание за свои воинские подвиги и склонность впадать в ярость, в которой он не щадил ни своих, ни чужих. Жиро де Вавир только недавно прибыл из ставки Девы, чтобы собрать на свои средства отряд, и вскоре должен был вернуться на фронт. Граф Гийом ля Жюмельер дал себе время обдумать предложение до вечерней службы и, посоветовавшись со знакомыми, знавшими претендента лучше, нежели он сам, с радостью дал согласие.

Новую свадьбу назначили на третью декаду июня. Услышав имя жениха, Брунисента, не стесняясь прислуги, запрыгала на месте, хлопая в ладошки. Божье Наказание был героем множества прекрасных песен и сказок, которые она слышала еще в детстве. Долгие годы девочка мечтала о женихе, похожем на прекрасного рыцаря из сказок, доблестного и отважного Жиро де Вавира, и вот же повезло! В самое ближайшее время Божье Наказание, на зависть окрестным девицам и вдовам, был готов вступить в брак с Брунисентой ля Жюмельер.

Очарованная и точно сошедшая с ума от радости девочка уже представляла, как они вместе с мужем будут выезжать на праздники и турниры в окрестные города, какая у нее будет свита и на каких конях. Как рыцарь Жиро де Вавир станет победителем всех турниров, принародно назвав ее – свою жену – королевой любви и красоты.

Она уже слышала радостные крики зрителей и приветственные речи, например: «А вот и он – победитель многих турниров, самый сильный, самый смелый рыцарь, легендарный сьер Божье Наказание на своем вороном коне!» Или: «Вы слышали, говорят, Божье Наказание женился? Интересно, кому же из самых достойных дам королевства досталось Божье Наказание? Не иначе как какой-нибудь прекрасной принцессе. Нет, смотрите, это Брунисента ля Жюмельер! Нет, бери выше, Брунисента де Вавир! Брунисента Божье Наказание! Да здравствует прекрасная Брунисента и ее славный супруг! Долгих лет жизни и множества сыновей!»

Как немного нужно девушке для счастья! С этого дня вновь просватанная Брунисента пуще прежнего начала заботиться о приданом, и замок снова огласился ее залиvistым смехом и веселыми песнями.

Радость исчезла, когда в замок пожаловал сьер Божье Наказание. Конечно, великий воин Жиро де Вавир был одним из самых лучших и знаменитых воинов Франции. Ровесники Брунисенты росли на историях его подвигов, и сама она нередко, заслушавшись песен трубадуров о славных скита-

ниях великого де Вавира, мечтала хотя бы увидеть чудесного рыцаря, не то что сделаться дамой его сердца. Но, увы, когда Брунисента узрела наконец предмет своих детских мечтаний, она была вынуждена с ужасом признать, насколько подходило прославленному рыцарю его прозвище! Сьер Жиро был невысок, но очень широкоплеч, говорили, что он спокойно поднимал на плечи лошадь и шел с ней как ни в чем не бывало. Его рыжая жесткая борода торчала, точно взъерошенная сухая мочалка, а лицо было обезображено красными, похожими на червяков, шрамами. Кроме всего прочего, это был грубый, привыкший командовать солдафон, для которого не было разницы между мирным временем и войной, всех и вся он судил по законам военного времени. И мог убить пролившего суп трактирного слугу или повесить собственного оруженосца, промедлившего с выполнением его приказов.

К слову, нередко воины его отряда заканчивали жизнь на острие его же мизерикордии или были вынуждены бежать от безумного военачальника куда глаза глядят, вступая затем в отряды вольных стрелков или вешаясь от невозможной жизни.

Дождавшись, когда гость напьется и, усладив свою плоть тремя служанками, уснет в своей комнате, Брунисента бросилась на колени перед отцом, умоляя его не отдавать ее Бо-
жьему Наказанию. Но тот был и сам рад разорвать договор, вдоволь наглядевшись на буйное поведение будущего зятя.

Только мало сказать: мол, разрываю договор, а как это сделать, не навлекая на себя беду и гнев Божьего Наказания?

Скажи ему такое старый Гийом ля Жюмельер, проклятый жених тут же вырежет всех мужчин, изнасилуется всех женщин. И в довершение бесчинств, к гадалке не ходи, спалит замок.

Свадьба должна была состояться через месяц в домашней церкви, куда был вызван священник из Нанси, но неожиданно само провидение вмешалось в это дело.

Неожиданный гость

В субботу 4 июня сразу же после мессы на дороге в сторону замка Лявро появилось облачко золотистой пыли. Наблюдавший за этим явлением из окна замка граф долго щурил глаза, стараясь понять, что происходит. Как вдруг золотое облачко сделалось более прозрачным, и обитатели замка ясно увидели приближавшихся всадников. Утреннее солнышко играло на их панцирях и шлемах, — казалось, что из золотистого облака пыли проглядывают крохотные звездочки.

Вскоре у ворот прозвучал хриплый звук рога, и графу донесли, что рыцарь, называющий себя Жаком ле Ферроном, сыном славного рыцаря Гийома ле Феррона и женихом несравненной мадемуазель Брунисенты, просит дозволения войти в замок.

В полном замешательстве граф сошел вниз и велел пропустить рыцаря, на щите которого был начерчен герб в виде сокола, несущего в своих лапах меч, и его оруженосца, ведущего под уздцы двух великолепных коней черной масти.

Несмотря на то что граф ни разу до этого не видел сына своего друга, не было никакого сомнения в том, что юный рыцарь действительно ле Феррон. Невысокого роста, с прямыми каштановыми волосами, подстриженными под горшок, как носили военные, юноша больше походил на свою мать, несравненную госпожу Марию. Ее же граф знал с ма-

лолетства.

Его лицо было темным от загара. Зеленые яркие глаза светились юношеским задором.

– Я несказанно счастлив, что могу приветствовать благородного графа ля Жюмельера в его родовом замке! – звонко произнес рыцарь. – Давно мечтал засвидетельствовать вам свое почтение, и... прошу прощения за то, что не сумел явиться к сроку, – он покраснел, опустив глаза с пушистыми, точно у девицы, ресницами. – Но причиной тому стало ранение, полученное мною под Орлеаном, которое я был вынужден лечить, скрываясь от мести врагов Франции в монастыре Святого Бенедикта. – Юноша вежливо поклонился графу, плохо скрывая смущение. – Жанну схватили, сьер Гийом. Я услышал об этом уже на подступах к вашему замку и, к сожалению, не знаю подробностей. Говорят, она попала в плен к бургундцам в битве при Компень...

Молодой рыцарь покачнулся и, наверное, упал бы, не поддержи его верный оруженосец.

– Простите мне мою слабость, должно быть, я еще не достаточно оправился после ранения, – он снова покраснел. – Простите меня... за то, что... я не был с Жанной и не предотвратил позорный плен... Боюсь, что теперь мы должны лишь уповать на волю провидения и на то, что дофин сделает все возможное, чтобы вызволить Деву.

Приятный в обхождении юноша сразу же понравился графу, и он устроил пир в честь его счастливого исцеления и

возвращения в родные земли. Увидев своего бывшего жениха, Брунисента зарделась, точно маков цвет, мгновенно ощутив, как стрелы любви пронзают ее сердце. Она была готова броситься на шею благородному и, надо сказать, очень красивому рыцарю, умоляя его выкрасть ее из родительского замка, дабы она не смогла достаться проклятому де Вавиру.

Очаровательный юноша поселился в замке Лероз. Каждый день он просыпался с первыми лучами солнца и отправлялся на охоту с отцом Брунисенты или на конную прогулку вместе с ней и сопровождавшими ее дамами. По вечерам он рассказывал о своей службе у маршала де Рэ и встречах с Жанной.

– Когда Дева в сопровождении рыцарей Бертрана де Пуланжи, Жана де Новеломона, прозванного Жаном из Меца, Коле де Въена, лучника Ришара и вашего покорного слуги из Вокулера прибыла к дофину Карлу, он решил подвергнуть ее испытанию. Жанна и ее свита вошли в зал, полный придворных, на троне сидел облаченный в сверкающие одежды молодой дофин.

Жанна остановилась в нескольких шагах от трона. В воздухе повисла напряженная тишина, так что было слышно, как кипит смола на факелах в руках слуг. Я шел в нескольких шагах от Девы, гордый своей высокой миссией и тем, что сейчас увижу знаменитых рыцарей, прекрасных и благородных дам, дофина, которого Жанна обещает сделать нашим королем. Но почему-то Жанна медлила.

Я рассеянно оглядывал гобелены и матерчатые обои, украшавшие стены, чувствуя, как восторженная улыбка, словно сама собой, сползает с моего лица. Жанна молчала. Я смотрел ей в затылок, стремясь разбудить ее взглядом.

Ничтожный человек, я проклинал ее в этот момент за неумение вести себя в благородном обществе и одновременно с тем понимал, что она могла попросту испугаться, смутиться, лишиться дара речи при виде окружавшего ее великолепия и, главное, от свалившейся на нее ответственности. Смешно признаться, я серьезно решил, что Дева струсила. Я хотел выйти вперед и встряхнуть ее как следует за плечи или извиниться за нее перед дофином. Но вдруг она заговорила.

– Что же она сказала? – замирая от любопытства, спросила Брунисента, на всякий случай прикрывая ротик изящным платком с вышивками.

– Она обратилась к вельможе на троне в своей простой манере. «Простите, господин, – сказала она, – я пришла к дофину, не подскажете ли вы, где я могу найти его?»

По толпе придворных прокатился ропот. Я был готов провалиться сквозь землю от позора. В то время как сидевший на троне снисходительно улыбнулся Жанне.

«Я твой дофин, милое дитя», – растягивая слова, протянул он, сверля ее взглядом.

«Нет... Вы не дофин. Я узнала бы дофина под любой маской, в любом обликии, ясным днем или темной ночью». Жанна начала крутить головой, точно безумная. Я снова за-

хотел провалиться сквозь землю, только тут заметив, что придворные Карла хихикают и перемигиваются между собой. Маловеры – они устроили ей испытание!

Жанна сделала несколько шагов от трона, подошла к толпе придворных и, заметив кого-то, вдруг бросилась перед ним на колени.

«О, мой дофин! Как долго я шла к тебе! Как много всего я должна тебе сказать!»

Я посмотрел на молодого человека, перед которым стояла на коленях наша Дева. Небольшого роста, с желтым, нервным лицом и бегающими маленькими глазками, он был скромно одет и, на мой взгляд, больше походил на писаря, цирюльника или какого-то другого малозначительного слугу, нежели на монарха.

«Ты ошибаешься, милая, я не дофин. Вот дофин!» – он показал рукой в сторону трона.

«Нет. Ты и есть дофин! Зачем ты прячешься от меня! Зачем называешь другого человека дофином! Знай же, я принесла тебе великую радость – Господь Бог благословил тебя стать королем Франции и ты станешь им в славном городе Реймсе, где и будешь миропомазан. Мне же дай по воле Господа войска, чтобы я могла снять осаду с Орлеана. В этом моя святая миссия, которую я должна исполнить».

– И что же, Жанна оказалась права?

Граф покручивал длинный ус, история казалась невероятной и прекрасной, как и сам образ невинной Девы, почти ре-

бенка, которая прибыла к Карлу, подобно библейскому пророку.

– Права! Ведь ее глазами глядел сам Отец Небесный, именно он направлял ее, так что дофину и его командующим следовало всего лишь идти за ней, подобно послушным ягнтям за своим пастырем, и она привела бы их к окончательной победе.

Брунисента смотрела в зеленые, точно два лесных озера, глаза рыцаря Жака ле Феррона, млея от счастья и страдая от предвкушения неминуемой свадьбы с Божьим Наказанием. Иногда она хотела наброситься на Жака с кулаками, высказав ему все, что накопилось у нее на сердце и теперь болело.

«Ну почему он не требует, чтобы отец отдал меня ему по праву первенства. Ведь именно за него я должна была выйти замуж, именно его, а не рыцаря Жиро де Вавира я ждала долгие ночи, именно для него шила приданое и молила Деву Марию о ниспослании нам счастья.

Не моими ли молитвами он выжил и теперь вновь рвется в бой?! Отчего же прекрасный Жак не признается в любви? Не вызывает на смертельный бой моего жениха, не зовет меня венчаться с ним тайно?»

Как много «почему»! И нет на них ответа.

Брунисента стояла на крыше главной башни донжона, где любила страдать и плакать, направляя свои горестные слова в низкие небеса, на которые, кажется, прыгни и беги прямой

дорожкой к самому престолу Господа Бога. Чтобы грохнуть-ся перед ним на колени и слезно умолить, ошеломить глупого, красивого рыцаря Жака ле Феррона любовью, растопить его ледяное сердце, чтобы не мог он ни спать, ни есть, чтобы вошла любовь ему в плоть и ярость! Чтобы зажгла огонь в его сердце и вложила жупел в его печень. И чтобы он мучился любовной хандрой до тех пор, пока священник не обвенчает его с Брунисентой. Аминь.

И чтобы затем жили они душа в душу и умерли в один день. Аминь, аминь, аминь. Во имя Отца, Сына и Святого Духа.

И еще один раз аминь.

Тяжко было Брунисенте, тяжело и обидно. Казалось бы, ведь не ее вина, что в назначенный день рыцарь ее не явился к венчанию. Не ее, а ей теперь за это расплачиваться. С нелюбимым да постылым куковать. С Божьим Наказанием жизнь проживать.

– И чем я ему не подхожу? – вслух удивлялась Брунисента, когда служанки заплетали на ночь ее волосы в тяжелую светлую косу.

– Всем ты хороша, моя ягодка, во всем прекрасна, Брунюшка, – шептала в ответ няня. – По мне, так краше тебя где ж ему сыскать?

– Да видно, сыскал, раз канцон под окнами не поет, о любви не говорит, подвига во славу совершить не обещает, даже не додумается шарф какой выпросить или колечко, как это

рыцари делают. Чем я ему не угодна?

— Когда ему другой-то обзаводиться? Война дело серьезное. На войне все больше временных подруг, о которых опосля и не вспоминают. Как не вспоминает протрезвевший, что наворотил, будучи пьяным.

— Так, значит, временная у него есть. А временное — самое постоянное. Как война эта. Попомни мое слово, голубушка Эсфырь, говорят, война на миг, а эта на целый век затянется. И конца ей и краю не будет, — Брунисента ополоснула личико поданной служанкой водой и велела оставить ее с нянькой наедине. Сама же забралась с ногами на ложе и старуху за руки к себе притянула, чтобы та тут же села посекретничать. — Что, нянюшка, коли бы кто-нибудь подсказал ему, чтобы ну... сама понимаешь. Чтобы... — она набрала в легкие воздух и выдохнула, — женился на мне.

— Мысль разумная, — закивала головой старая сарацинка. — Только кому же сказать. Думаю я, барышня, что отец ваш сам все и устроит. Я давеча слышала, как молодой Жак ле Феррон просился в отряд возвращаться. Так господин граф его возьми и удержи. Мол, здоровье у него после ранения еще не очень, да и батюшка его, как отправился в ставку де Рэ, до сих пор вестей о себе не давал. А значит, куда молодой сьер отправится? Все лучше, чтобы здесь еще побыл, пока отец его не вернется или вести какие о Деве или маршале не придут. Думаю я, Брунюшка, что господин граф, так же как и мы, думает, что сьер Жак подходит вам куда как

лучше, нежели Божье Наказание.

– Хорошо, чтобы так все и произошло, – Брунисента мечтательно склонила головку на плечо старухи. – Только боюсь я, что не успеет отец, жду, что не сегодня завтра прискочит очередной гонец с новостями от маршала, и рыцарь мой отправится на войну и меня позабудет.

Брунисента позволила няньке уложить себя, вполуха слушая ее заверения в том, что надо-де во всем полагаться на мудрость господина графа. Что, мол, сьер граф лучше других знает, как обойти молодого рыцаря и благородно все ему подать. Меж тем в голове Брунисенты складывался нечеткий план дальнейших действий. Мысль о страшной свадьбе была настолько невыносима, что девушка была готова на все, даже отравить при случае своего жениха. Впрочем, отравительницы не могут попасть в Царствие Небесное, да и где, сидя запертой в замке, достать толкового яда? Был другой способ – не менее опасный и скользкий, гиблый способ, – но он был и в случае удачи сулил Брунисенте замужество по любви. Какая, в сущности, разница, из-за чего в петлю лезть – из-за того, чтобы не выходить замуж за Божье Наказание, или из-за того, что будешь опозорена и ославлена?

Брунисента решила во всем открыться своему любимому, и не просто открыться, а сделать так, чтобы юный рыцарь был бы обязан жениться на ней, а значит, должен был бы вызвать на поединок сьера Жиро и убить его.

Тайна мадемуазель Анны

На следующее утро Брунисента решилась действовать. Но как? Постоянно за ней следили нянька и служанки. Ночью в ее комнате спала девка, данная ей в услужение, а на самом деле приставленная за ней шпионить. Брунисента не стала посвящать в свои планы прислугу, опасаясь, что они от страха разболтают все отцу. Может, во время конной прогулки отдалиться вместе с Жаком от сопровождающих ее служанок, заехать куда-нибудь в лес и там во всем ему открыться?

Неожиданно решение нашлось само собой. С первыми проблесками рассвета Брунисента проснулась, словно кто тряхнул ее за плечо. Она села на постели. В углу спала служанка.

Брунисента поднялась и, самостоятельно надев платье, тихо прошмыгнула в дверь. Она шла, плохо понимая, куда идет и что собирается делать. Смутно вспомнилось, что приблизительно в это время Жак просыпается, садится на коня или дерется со своим оруженосцем на мечах, тренируя руку.

Она вышла в запущенный сад, слушая разбуженных вместе с ней птиц и удивляясь солнцу и прохладе. Ноги несли ее дальше от замка, туда, где у трех озер зимой можно встретить лису или волка, где крестьянки собирают грибы и куда ввиду отдаленности от замка не ходит ни за водой, ни белье полоскать прислуга. Идя мимо второго озера, она расслыша-

ла плеск воды и остановилась, боясь оказаться застигнутой кем-нибудь из слуг.

Брунисента оглянулась по сторонам, приметив под кустом аккуратно сложенную одежду. Крадучись она подошла ближе, вдруг узнав синюю коротенькую курточку Жака, какие только что вошли в моду в Нанси, и шляпу. Ее сердце забилось с неожиданной силой. В первую секунду Брунисента хотела бежать, опасаясь быть уличенной в подсматривании за молодым человеком. Но потом пересилила себя и, подойдя к густым кустам, за которыми поблескивала вода и было слышно, как кто-то купается, тихонько стянула с себя платье и в рубашке шагнула в воду.

Замирая от страха и неприятно ежась от холода, она все же заставила себя погрузиться в воду и поплыть. Плавала Брунисента великолепно. Однажды в детстве нянька не доглядела за ней, и Бруня, свалившись в воду, начала тонуть. Извлекши ее из воды, отец не покарал прислугу и не пожурил дочку, а применил свойственное истинному рыцарю наказание – начал учить Бруню плавать.

Стараясь не глядеть в сторону стоявшего к ней спиной рыцаря, Брунисента поплыла, делая вид, что не замечает присутствия постороннего.

Проплыв порядочно, она повернула назад, нацеливаясь на молодого человека и с удовольствием отфыркиваясь от воды. Когда же до желанной цели осталось с десятков гребков, Брунисента посмотрела на своего рыцаря, да чуть и не утонула

тут же. Вместо красавчика Жака на нее глядела напуганная не меньше ее самой девушка.

Они завизжали одновременно, незнакомка, прикрывая голую грудь, Бруня – давясь озерной водой. Холодная зеленая вода покрыла ее с головой, где-то в вышине светлым пятном угадывалось солнце. Брунисента чувствовала, как какая-то сила потащила ее вниз, в холод и пустоту, туда, где нет жизни, а есть холодная, сырая могила.

В то же время кто-то сильный схватил ее за косу и решительно потащил вверх. Бруня забилась и, глотнув воздуха, начала кашлять. Чьи-то руки вытащили ее на берег. Кашляя и заливаясь слезами, Брунисента встала на колени. Перед ней сидела давешняя девушка, но теперь Брунисента видела в ней то, чего не сумела разглядеть в озере – это был еще и ее рыцарь, ее Брунисентин любимый Жак – единственная надежда избавиться от Божьего Наказания.

– Кто ты такая? – все еще кашляя, спросила Брунисента, зло поглядывая на свою спасительницу.

– Бруня, прости меня, пожалуйста, – девушка зашла за куст и принесла и свою и Брунисентину одежду. – Сейчас я тебе все расскажу.

– Простить? – Брунисента повела плечами. Мол, видали мы таких «простить», из-за нее, можно сказать, вся жизнь наперекосяк пошла, а она – «простить».

– Ты зачем в мужское платье рядишься? – спросила Брунисента. – Не знаешь, что ли, что за такие вещи святые отцы

тебя могут от церкви отлучить?

– Знаю, – девушка бесцеремонно натянула на себя рубашку Жака. – Да что делать, когда жизнь свою нужно было спасти, а о душе всегда успеется подумать.

– Отчего же так? – Бруня отжала руками косу, и незнакомка подала ей влажную тряпицу, которой до этого сама утиралась.

– Я Анна, дочь Гийома ле Феррона и сестра Жака. Служила под началом Девы, ее взяли в плен при обороне крепости Компень. Во время отступления комендант Компени открыл нам ворота, но вошли не все, а только те, кто был у самих стен. Жанна также пыталась прорваться в крепость, но ей не дали этого сделать бургундцы. Тем временем комендант закрыл ворота, и она с кучкой солдат оказалась отрезанной от основных сил. Я тоже была в крепости. Я понимаю, теперь это сложно доказать, но я умоляла коменданта открыть ворота и впустить Жанну, но он не мог, в противном случае бургундцы ворвались бы в Компень.

Что было дальше – смутно помню. Я была двойником Жанны, поэтому не могла оставаться в отряде. Само мое присутствие дало бы повод королю усомниться в том, что Жанне нужна помощь.

– Небось комендант, увидев тебя, решил, что впустил в крепость саму Деву, вот и дал приказ закрыть ворота, – зло оборвала рассказ Брунисента.

– Может, и так. – Анна оделась и, подняв с земли платье

Брунисенты, подошла помочь.

– Отчего назвалась именем брата? – Брунисента не скрывала охватившей ее ярости.

– А как мне было называться? Дева изгнала из отряда всех продажных девок и маркитанток, поэтому я не могла просто надеть платье и прикинуться одной из них. В то же время у меня были вещи брата, и внешне мы на одно лицо. Потом, когда я надела броню, нас вообще невозможно стало отличить. Брат погиб или взят в плен, маршал не ждет его в своей ставке. Я пробиралась вместе с одним из наших воинов – Гуго, который знал меня и пожелал следовать за мной в качестве оруженосца и слуги. Конечно, мне следовало сразу же скакать в замок отца, но по дороге я решила заехать сюда, в замок его друга, и разузнать о том, что происходит и чего мне следует опасаться.

– Почему же ты не отправилась затем к себе? – Брунисента направилась в сторону замка. – Надо же было явиться и сразу же все испортить!

– Я боялась, Бруня. Ну, честное слово, боялась. Ты не знаешь дофина! Он труслив, злобен и мстителен. Я боялась, что он найдет способ поменять меня на Жанну, чтобы только не платить выкуп проклятым бургундцам. А те, в свою очередь, продадут меня англичанам. Я подумала, что здесь меня никто не отыщет, и я смогу отсидеться до того времени, пока короли решат что-нибудь между собой, и я смогу вернуться к моему любимому.

– У тебя есть любимый? – Бруня развернулась, прикусив губу.

– Есть. На войне все не так, как у вас здесь. Там каждый миг может быть последним. А потом будешь жалеть, да ничего уже нельзя поделать. Упустила свое счастье, другого не будет. Но я ведь ничем тебе не навредила. У тебя новый жених, уже после моего брата, я тебе ни слова не сказала. Ясное дело – нет его, значит, нет. Это у сестры другого брата не будет, родители старые. Мать так и вовсе лет десять в монастыре за нас Богу молится. А ты молодая, тебе жить да жить...

– Жить?! Умереть мне и ничего другого! – заревела в голос Брунисента. – Отец сосватал меня, не спросив. Жених – чудовище страшное! Божье Наказанье! Жиро де Вавир! Господи, ну неужели на мне такая вина, чтобы карать столь жестоко. Не под венец пойду я, а в петлю или с донжона вниз сигану, или в озеро – один конец. Смерть меня ждет лютая, а не жизнь! Вот! А ты лучше уж уезжай к себе и не мучай меня более, – сказав это, Брунисента тяжело вздохнула и, утерев слезы, повернула в сторону замка.

– А ты не выдашь меня? – зеленые глаза Анны уставились на нее, словно до сердца достали.

– Не выдам. Ступай с Богом. Если бы твой брат не погиб, мы бы сестрами теперь были.

– Постой, Бруня, – Анна взяла ее за руку и увлекла за собой обратно к озеру за густые кусты. – Что скажешь, если твоего женишка кто-нибудь на поединке укокошит?

– Благословлю того рыцаря, – Бруня посмотрела на воду, в которой только что чуть не погибла. Надо было этой Анне ле Феррон не вытаскивать ее, сейчас бы все мучения остались позади.

– А отец тебя снова просватает. И кто знает – может, новый похуже этого окажется.

Брунисента молчала.

– А ведь я могу вызвать сьера Жиро де Вавира на поединок по праву твоего жениха и избавить тебя таким образом от Божьего Наказания.

– Ты?! – У Брунисенты перехватило дыхание.

– Ну да, я, – Анна не моргая смотрела в самую душу Брунисенты, словно измеряя ее на глубину.

– А если тебя убьют? – Бруня была ошеломлена неожиданным предложением несостоявшейся сестры.

– Убьют так убьют, тебе что за дело? Отец меня с малолетства учил владению мечом и копьем, так что мы еще посмотрим, кто кого. Я вот что думаю, – она говорила медленно и четко, впечатывая слова в сознание Брунисенты. – Жениха твоего можно убить тайно – прирезать, когда спать будет, или вызвать на честный поединок. Но отец тебя сразу же за другого выдаст. И, повторюсь, каков будет тот другой, никто не знает.

Но ежели я, под именем брата, затребую на тебя свои права, то после поединка с де Вавиром я же должна буду на тебе жениться. А это грех против церкви, так что, ежели обман

раскроется, нас обоих либо живьем в землю заруют, либо на костре, как ведьм, сожгут. С другой стороны – мой брат в плену или мертв, отец отправился за ним, да и сам, похоже, сгинул по дороге. Замок близ Вокулера мой, земли, лен. Уедем вместе, будем там жить спокойно, как Бог на душу положит. Захочешь завести себе милого друга – мешать не стану.

Они еще шептались какое-то время, пока барышню не начали разыскивать служанки.

За завтраком Брунисента сидела тише воды, давешний разговор обдумывала да в голове прокручивала. Отец не начинал трапезы без гостя, от скуки ломая хлеб, обмакивая его в пахучее сало и бросая собакам. Наконец Анна явилась в новом дорогом костюме, с золотой трехрядной цепью на груди и мечом. Красавец, глаз не отвести! Весело подмигнув Брунисенте, лже-Жак напрямик обратился к ее отцу, прося руки дочери и обещая лично поговорить с благородным рыцарем Жиро де Вавиром.

Краем глаза Брунисента увидела, как всплеснула руками нянька, а прислуга поставила мимо стола пустую кружку. Ну и звону же было!

О войне и о любви

Разумеется, Анна не собиралась вызывать на рыцарский поединок сьера Жиро. Как-то раз ей посчастливилось увидеть эту громадину в действии. И впечатление навсегда сохранилось в ее памяти, оставив неизгладимый след. Огромный, точно гора, рыжий воин пробивал себе дорогу в гуще врагов, сокрушая их здоровенным, красным от крови топором. Разя направо и налево, подобно взбесившемуся дровосеку, он был весь от макушки до пят залит кровью.

Страшная то была работа и прекрасная. О таких воинах трубадуры слагают свои песни, именами подобных рубак называют себя мальчишки, играя в войну.

В тот день чудовищный рыцарь пробивал дорогу непосредственно для нее, для лже-Жанны, которая следовала за ним, перескакивая через мертвых и живых и отбивая удары своим мечом. Анна старалась не смотреть на обезображенные лица и тела людей, не чувствовать омерзительного запаха, пропитавшего, казалось, все вокруг, не слышать крики и стоны. Но это было невозможно. И она видела все в подробностях, кусая губу и стараясь сдерживать дыхание и подступившую к горлу рвоту.

Потом видения трупов преследовали ее по несколько дней, так что Анна, подобно другим воинам, начала было искать спасение в вине, за что получила выволочку непосред-

ственно от Жанны, которая не позволяла своим двойникам малейшего отступления от придуманных раз и навсегда правил. Шутка ли – любой слух, распушенный по поводу трех тел охранительниц, мог отразиться на репутации самой Девы, а тогда уже дисциплину в отряде не сохранишь. Шутка ли – вдруг кто-нибудь застанет Анну за бутылкой и растреплет, будто бы видел саму Деву, которая была пьяней дорвавшегося до трофейного бочонка с вином арбалетчика!

Плохо ли, хорошо ли Анне, она должна была служить Жанне, выполняя свой долг и чувствуя возложенную на нее ответственность.

Вот и в тот день она заменяла в бою Деву, которую следовало беречь, потому что только она, божественная Жанна, могла поднять дух воинов, заставив их сражаться, подобно дьяволам.

Враги бежали с поля битвы, завидев оперенную шапочку Девы, ее светлые, серебряные доспехи и сверкавшую на солнце кольчугу, а значит, Жанна была необходима, как волшебный талисман. Жанна – это сама Франция, душа Франции, любили говорить в отряде.

Во время боя Анна чувствовала обращенные на нее взоры своих воинов, ощущая невиданную силу, силу Жанны Девы. На краткий миг она преображалась и даже становилась выше ростом. В этот момент она была Девой, посланной Богом, Девой, не знавшей страха, а не маленькой Анной ле Феррон, дочерью прославленного воина и магистра ордена Верности

Гийома ле Феррона, сестрой рыцаря Жака ле Феррона, сражавшегося под знаменем самого де Рэ.

В этот момент она любила Жанну больше всего на свете! Любила, несмотря даже на то, что ревновала ее к своему прекрасному возлюбленному, к человеку, который так же, как и она, больше всего на свете, больше собственной жизни, своих близких, больше солнца и воздуха любил Жанну.

Ох уж эта Жанна! Ночью, когда Анна проникала в его шатер или комнату в замке, которую занимал Жиль, она была одета в точно такой костюм, в котором до этого была Жанна. Иногда он просил, чтобы любовница брала настоящую одежду Жанны, на что Анна со смехом отвечала, что Жанна выше ее на целую голову, и Жаннины вещи будут смотреться на ней нелепо. Но Жиль любил Жанну, он хотел ее, как еще ни один мужчина до этого не хотел женщину. Хотел и не смел к ней приблизиться. Его пьянил запах Жанны, мягкость ее курточек и перчаток, круглые оперенные шапочки, которые она так любила и которые так шли ей.

В те дни, когда Анне ле Феррон удавалось раздобыть какую-нибудь вещь Девы, он становился неистовым в своих ласках, заставляя юную воительницу оказываться на гребне счастья и восторга.

Жиль, ее нежный, ласковый и неистовый Жиль, сердцем и душой принадлежал Жанне. Анна старалась не думать об этом, принимая свою долю счастья и прекрасно понимая, что если бы только Жиль де Лаваль имел возможность прикос-

нуться к Жанне, в ту же минуту он забыл бы несчастную Анну ле Феррон.

Слава богу, Жанна не могла разделить страсть своего подчиненного, потому что в пророчестве сказано яснее ясного: «Женщина погубит Францию, а дева спасет ее». А значит, пока идет война, Жанна будет вынуждена оставаться девственницей.

Так пусть же война длится вечно! Тогда и Жиль будет всецело принадлежать Анне, пока смерть не разлучит их!

И вот теперь в одночасье Анна потеряла и Жиля, и Жанну, и родной замок, и даже этот, такой спокойный и надежный на вид Лероз, в котором она рассчитывала спрятаться до поры до времени. Теперь ей нужно было сниматься с места и бежать куда глаза глядят.

Она боялась вернуться домой. Что ждало ее там? Фанатичный отец, разумеется, сразу же погнал бы ее обратно, нашел бы способ поменять на настоящую Жанну или заставил бы изображать Деву перед войсками. Но одно дело быть Жанной время от времени, и совсем другое – постоянно, когда нужно принимать быстрые и гениальные военные решения. Наносить сокрушительные удары. Нужно быть неотвратимой богиней войны и одновременно с тем – страстной поборницей добродетели. Нужно получать поддержку с небес посредством видений или хотя бы обладать знанием и военной интуицией.

От всего этого кружилась голова.

Идею сразиться с де Вавиром и, прости господи, «жениться» на Бруньке подсказал Анне страх за собственную жизнь. Когда девочки встретились у озера и Брунисента начала тонуть, Анна хотела поначалу позволить ей сделать это, дабы никто не сумел разоблачить ее, но потом она сдалась и вытащила уже изрядно нахлебавшуюся воды девицу.

Нет, она не собиралась выполнять обещание, просто ей нужно было выждать время, дать возможность Гуго добратся до замка Лявро и вызнать, вернулся ли отец и есть ли сведения о брате или письма от Жиля.

Анна продолжала играть свою роль, обещая Брунисенте поддержку и защиту и обсуждая вместе с графом предстоящий поединок.

Господи, какой еще поединок, когда Анна великану де Вавиру в пупок дышит! Его кулак, что ее голова, ноги, как две колонны, бычья шея и загривок, точно у лесного тролля! Во время боя он один может, поднатужившись, деревянную бастилию со стрелками наземь свалить, ворота в крепости проломить, ухватиться за подвесной мост и не дать ему подняться...

Тем не менее в идею поединка почему-то все сразу же поверили, мало этого, граф тут же назначил и день, когда следовало выехать в Нанси, где рыжий черт Божье Наказание засел, не дожидаясь, когда он за невестой в Лероз припожалует, дабы не произвел он разрушения в самом замке после поединка.

Лихорадочно Анна соображала, как улизнуть из Лероза, в то время как взявшийся лично сопровождать ее граф ругал на дорожку слуг и прощался с дочерью.

Нужно было бежать. Но было уже слишком поздно! Кроме всего прочего, в замок еще не вернулся оруженосец, а значит, случись Анне обмануть графа и улизнуть по дороге в Нанси, она осталась бы совершенно одна.

Меж тем граф приставал к ней с разговорами о соколиных охотах, пытаясь развлечь молодого зятя перед поединком.

«Нужно будет сразу после того, как устроимся в Нанси, отыскать Божье Наказание и, самое милое дело, прирезать его, пока тот будет спать пьяный, или напасть под прикрытием ночной темноты. Хорошо было бы воспользоваться ядом, но где же его взять?» Анна зло посмотрела на графа.

Как она ненавидела в этот момент всю семейку ля Жюмельер, из-за которой должна была пойти на смерть. Ненавидела Брунисенту, желающую ее руками избавиться от чудовищного жениха, ее отца, у которого хватило ума согласиться на подобный брак. Всех ненавидела.

Точно во сне она позволила графу увлечь себя в это смертельно опасное приключение, точно во сне смотрела на тянувшиеся вдоль дороги хилые деревеньки и леса, на серое, набрякшее дождем и, как казалось, готовое расплакаться небо. Как было бы хорошо сейчас дать шпор коню и ускакать от надоевшего графа, но куда ускачешь? Дорога одна, прямая и наезженная, точно ведет она не в столицу Лотарингии

Нанси, а напрямком в ад. А в конце пути – Божье Наказание.

Можно было бы попытаться убить графа и его слуг, но удастся ли справиться с четверыми, не получив ранения, а куда потом деваться одной и раненной? В таком состоянии легче легкого сделаться добычей лихих людей. А ведь еще не известно, что хуже: пасть от меча де Вавира или стать добычей отбросов общества!

Анна вспомнила Жиля, которого, должно быть, ей уже не суждено увидеть воочию, его сильные руки, глубокие, красивые светло-карие глаза, его голос. И то, как он называл ее Жанной.

Нет, об этом Анне совсем не хотелось думать.

О том, как Анне ле Феррон удалось избавить Брунисенту ля Жюмельер от Божьего Наказания

Сделав всего одну остановку в пути и проведя ночь на холодной земле, они снова двинулись в путь. Анна не ощущала холода и не пожелала снимать воинского облачения даже во время сна, чем вызвала восторг графа, начавшего сравнивать ее с героями древности.

Не заметила Анна и как дорога закончилась, и они добрались, наконец, до Нанси. То есть не почувствовала ни времени, ни пути, впав в странное состояние безвременья и похожего на длительный обморок отчаяния. Вдруг точно из-под земли перед ними встали белые стены крепости, и, удивившись, Анна поняла, что это конец. Конец пути или конец самой жизни.

Никто не задержал путников, не воспрепятствовал их проникновению за городские стены. Ленивые часовые с вежливым безразличием осведомлялись об именах и титулах приезжих, вполуха слушая ответы. Что было неудивительно – Нанси, впрочем, как и другие города, кишел солдатами расформированной королем армии. Не находя себе дела, а может, и не собираясь его себе искать, ветераны захлеб рассказывали о недавних событиях, которым они лично были

очевидцами. Во всех трактирах непременно велись горячие обсуждения последних действий Девы, которая, несмотря на роспуск армии, с небольшим отрядом, еще перед своим пленением, успела взять несколько крепостей, в которых стояли английские гарнизоны. Каждому хотелось получить ответ на главный вопрос, заплатит ли Карл Седьмой бургундцам выкуп за своего главнокомандующего, за своего главного воина, за человека, возложившего на его голову корону Франции?

– Меня просто за язык тянуло рассказать этим любезным военным, ради какого подвига мы прибыли в их городишко, – весело подмигивая, сообщил камергер графа, – они бы такую новость неделю обсуждали, не меньше. Виданное ли дело, вызвать на поединок самого де Вавира!

– Ну и сказал бы, – угрюмо буркнула в ответ Анна. – Они бы нас всех за милую душу упекли в темницу. Кому интересно пускать в город людей, приехавших сюда с единственной целью затеять ссору, которую в результате им же и придется разнимать.

– Ты совершенно прав, мой драгоценный зять. – Гийом ля Жюмельер отвесил подзатыльник слуге. – Осторожность в нашем деле не помешает. Тем более что стража сейчас явно удвоена, и ночью по улицам, должно быть, ходят усиленные патрули. Помню, во времена моей молодости...

И он пустился в пространное повествование.

Анна не слушала графа, рассеянно оглядываясь по сторо-

нам. Ей уже приходилось бывать здесь с отцом и братом, и теперь она наслаждалась последними часами своего пребывания на этом свете, прекрасно понимая, что против Божьего Наказания ей не выстоять.

Они остановились в скромной, но чистенькой гостинице со звучным именем «Лев и Роза». По слухам, де Вавир располагался в квартале от них в гостинице «Золотой сокол», куда для разговора с ним следовало прийти по наступлении темноты, когда рыжий бес, возможно, соизволит вернуться на ночлег. В остальное время суток он мог быть где угодно, но только не в своих комнатах.

Анна заказала себе заячий паштет и мясную поджарку, предусмотрительно отказавшись от пирогов и запив все это молодым анжуйским вином, она старалась не привлекать к себе внимания, сидя в самом темном углу. Трапезный зал гостиницы был полон солдат, и любой из них мог узнать ее. Поэтому Анна постаралась быстрее расправиться со своей едой, после чего поднялась в комнату, лишенную окон, бросилась на кровать и закрыла глаза.

Снизу еще долго доносились пьяные разговоры, песни и тосты. Анна услышала, как какой-то недавно прибывший из Бурже арбалетчик рассказывал о том, что, если у Карла Седьмого хватит наглости не заплатить выкуп за Деву, это сделают преданные ей люди. Достаточно пустить шлем по кругу, и он тут же наполнится звонким золотом! Кроме того, ведь все знают, что маршал де Рэ богат, как Кресс, что он несколько

лет давал займы самому королю и его приближенным и содержал на свой счет отряд. Кому как не сьеру де Рэ выплатить выкуп за Жанну?

При упоминании о Жиле Анна напряглась, превратившись в слух. Но проклятый арбалетчик перешел на описание недавних боев, расхваливая собственное военное искусство. Так что Анна поняла лишь то, что Жиль жив и здоров. И еще то, что он, без сомнения, сделает все возможное, для того чтобы спасти Деву.

Вот этого она и боялась. Жиль присягал Деве, присягал страшной клятвой рыцаря Ордена Верности, в котором состояло ближайшее окружение Жанны, включая женщин. Ту же клятву давала и Анна, клятву умереть за своего обожаемого командующего. Клялись покойные ныне Кларенс и Батрис. Теперь был черед Анны. Она просто чувствовала кожей, что вот прямо сейчас к гостинице подлетит гонец от маршала или самого короля, и ей напомнят о ее клятве.

Анна уже ходила в бой вместо Жанны, пару раз ее ранили, принимая во время сражения за Деву. И что же теперь? Теперь оставалось одно – умереть за Жанну, умереть вместо Жанны!

Анна заплакала. Жиль богатый человек, а значит, он будет собирать выкуп за Жанну – и соберет.

Выкуп казался более реальной идеей, нежели поиск исчезнувшей Анны.

Жиль! Любимый, единственный, прекрасный, неотврати-

мый Жиль! Всем сердцем Анна стремилась вновь оказаться в его объятиях и бежала от него куда глаза глядят. Жиль был рыцарем, а рыцарь верен своей клятве, даже если исполнение ее будет стоить ему невероятных страданий. Он пожертвовал бы спасением собственной души, ввергнув себя в пламя ада. Жиль был рыцарем – рыцарем Ордена Верности – он был знаменем и примером чести и добродетели. Поэтому Анна любила и страшилась его.

О том, что на улице стемнело, она догадалась, слушая, как смолкают разговоры за стеной. Дождавшись, когда из соседней комнаты, занимаемой графом и его оруженосцем, начал доноситься храп, Анна тихо села на своем ложе.

Во дворе разговаривали между собой две женщины, Анна не разбирала слов, но, по всей видимости, это гостиничная прислуга доделывала все то, что не успела сделать днем.

Тихо, точно ночная кошка, Анна надела сапоги и, подпопавшись мечом и прихватив с собой парочку верных кинжалов, открыла дверь и выбралась в темный коридор. Внизу у лестницы ей поклонился старик сторож, Анна кивнула ему и вышла на улицу.

Пусть думает, что молодой рыцарь отправился на поиск ночных приключений, провести свою возлюбленную или решил поиграть на деньги богатого папеньки в карты.

Оказавшись на улице, Анна укуталась в плащ и, свернув на узкую, грязную улочку, пошла по ней. Темнело. Где-то лаяли собаки. Анна потрогала рукоятки кинжалов и осталась

ими довольной. Божье Наказание следовало прирезать, пока тот спит.

Подло, цинично, неблагородно, но по-другому не получится.

Она поморщилась при мысли, что сказала бы Жанна, но делать было нечего. Ведь бой с де Вавиром нельзя назвать иначе как убийством. Потому как у нее, у Анны, нет ни одного шанса против Божьего Наказания. А раз силы настолько неравны и Анну ждет смерть, то кто посмеет осудить ее за то, что и она пойдет на бесчестный поступок, спасая свою жизнь?

Анна чуть было не упала, поскользнувшись в луже выброшенных на улицу нечистот, и, выругавшись, пошла дальше уже медленнее. Темнело. В бедных домах не зажигали света, богатых в окрестности не было. Одиноко светились окна гостиниц и кабаков. Но Анна старалась избегать этих веселых мест. Несколько раз на дороге из раскрытых дверей дешевых притонов выскакивали шлюхи, зазывающие прохожих обещаниями удовольствий.

Наконец она достигла гостиницы, над дверью которой над фонарем был прикреплен личный герб хозяина с изображением золотого сокола.

Анна прислушалась. Ни звука. Она окинула взором двухэтажное здание, стараясь разглядеть окно с выставленным в нем гербом благородного сьера Жиро де Вавира с красной головой сарацина. На счастье, в одном из окон второго этажа

действительно угадывался герб, но что на нем было нарисовано, Анна не смогла уже разглядеть. Слишком темно.

Она хотела пробраться в дом, когда за ее спиной послышались нетвердые шаги, и Анна, спрятавшись за угол дома, проводила взглядом прошедшего мимо нее нетвердой походкой здоровяка, в котором она без труда узнала де Вавира. Божье Наказание шатался, то и дело падая и хватаясь за деревья и заборы и рыча себе под нос солдатскую песенку.

Подойдя к дому, он запыхтел, возясь с завязками штанов, вскоре Анна услышала звук льющейся мочи и содрогнулась от омерзения.

Конечно же Божье Наказание набрался по самые уши и теперь поганил крыльцо собственного дома. Покончив со своим делом и даже не пытаясь привести себя в порядок, де Вавир распахнул входную дверь и исчез в темноте.

Затаив дыхание, Анна ждала, но больше не было слышно ни единого звука. Должно быть, сьер Жиро добрался до своей комнаты и завалился спать. Ничего лучшего и придумать было невозможно. Спящий враг, что ребенок малый.

Анна обнажила мизерикордию и, перекрестившись и прочтя охранное заклинание, скользнула в дом. Некоторое время глаза привыкали к темноте. Краем уха она услышала, как где-то по улице цокают копыта коней, и тут же забыла об этом. Сквозь окно в помещение проникал слабый свет, должно быть, луна вышла из-за туч. Анна разглядела лестничные перила и, сообразив, что окно с гербом располагается где-то

там, куда ведет лесенка, крадучись поднялась наверх.

У двери Божьего Наказания был выставлен щит с гербом. Поднеся его к окошечку над лестницей, Анна убедилась, что не ошиблась дверью.

Постояв еще немножко и послушав тишину, она взялась за ручку двери и тихо потянула ее на себя. Дверь подчинилась, слабо заскрипев, точно разбуженная кошка. В одну секунду Анна оказалась в комнате, запоздало соображая, что кроме пьяного в ветошь де Вавира там мог оказаться слуга или оруженосец. Впрочем, какой же оруженосец спит в гостинице, когда его господин подвергается опасности на улице?

Анна огляделась. Широкое ложе оказалось разобранным, одеяло было скомкано и сброшено на пол. На постели никого не было. Анна повернула голову и только тут заметила сидевшую за столом фигуру. Воительница вздрогнула, липкий, холодный пот заструился по спине.

Де Вавир не шевелился. Анна тихо позвала его, но Божье Наказание не ответил. Пряча за спиной кинжал, она приблизилась к сидевшему за столом мужчине. Не было никаких сомнений, что это де Вавир. Анна подошла почти вплотную к столу, и тут Божье Наказание застонал и, схватив девушку за рукав куртки, повис на ней, увлекая ее за собой под стол. Анна забилась, закричала, пытаясь ослабить мертвую хватку железных ручищ великана.

По лестнице загрохотали шаги. Дверь распахнулась. Как в

бреду, Анна щурилась от света факелов, не понимая, реальные ли люди или все дьяволы ада пришли на помощь своему рыжему избраннику.

Ее подняли на ноги и тут же усадили на табурет. Кто-то плеснул в лицо водой, похлопал по щекам.

Анна замотала головой. Перед ней стоял граф Гийом ля Жюмельер. В комнате теперь было светло как днем. Воительница посмотрела на людей, пришедших вместе с графом, с ужасом узнала броню патрулирующих по городу стражников, на одежде которых красовался герб Нанси.

«Все. Попалась», – подумала она, но в ту же секунду откуда-то снизу раздался душераздирающий стон, и поднявшийся на руках стражи и слуг де Вавир, отплеываясь кровью, слепо уставился в лицо Анны.

– Это был честный поединок, господа, благородные рыцари. Я вынужден признать, что этот юноша ни в чем не виноват. Это был рыцарский... – он закашлялся, поперхнувшись кровью, и обмяк.

Анна поднялась и на нетвердых ногах подошла к покойному. На теле сьера Жиро красовались по меньшей мере восемь ран. Правого уха не было. Должно быть, он попал в переделку, где и получил все эти ужасные ранения, и уже потом чуть живой добирался до гостиницы.

Немудрено было в темноте принять тяжелораненого за мертвецки пьяного. Что-то объясняя страже, Анна ответила на несколько вопросов, назвала адрес, по которому ее мож-

но будет найти в Нанси, после чего любезный молодой офицер стражи поздравил ее с беспримерным подвигом. Он прекрасно знал Божье Наказание и теперь не скупился на комплименты.

Анна была поражена, что никто не обратил внимания на тот факт, отчего меч де Вавира был окровавлен, в то время как оружие молодого рыцаря, которого сьер Жиро назвал своим победителем, оставалось чистым. Никто не удивился, что во всей гостинице ни один человек не слышал шума сражения, и на следующий день, после того как тело де Вавира было уложено в гроб, никто так и не нашел отрубленного уха.

Зато теперь на нее обрушилась громкая слава рыцаря, сумевшего избавить Нанси и всю Лотарингию от Божьего Наказания и оставшегося при этом невредимым.

Битва при Сен-Лу

Весть о блестящем подвиге рыцаря Жака ле Феррона сразу же облетела Нанси и вышла за городские стены. Местная знать начала наперебой приглашать к себе графа Гийома ля Жюмельера и его юного зятя, устраивая в их честь пиры и охоты. Анна тяготилась этими светскими обязанностями, так как всерьез опасалась, что среди гостей могут оказаться люди, знавшие брата лично, и тогда ей уже несдобровать. Граф же чувствовал себя на светских раутах, точно рыба в воде. Он рассказывал о подвиге Жака так, словно сам совершил его или, по крайней мере, присутствовал во время сражения.

Сьер Гийом был воистину прекрасным рассказчиком. Он, описывая в картинах блистательный поединок, показывал ужас, охвативший оруженосцев и невольных зрителей.

«Когда вдруг победа уже почти что досталась Божьему Наказанию, великан занес свой меч над головой отважного Жака ле Феррона, прозвучали громовые раскаты колокола, услышав которые сьер Жиро выпустил из рук свой ужасный меч и упал на колени, прикрывая голову руками.

Должно быть, в этот момент ему показалось, что сам Господь Бог разговаривает с ним! После мой благородный зять поднял меч гиганта и подал его господину де Вавиру с грацией и изяществом, от которого я невольно прослезился, сра-

женный благородством и простотой юного рыцаря.

Не веря в свою удачу, великан Жиро де Вавир принял из рук Жака свой меч, в тот же момент в его глазах заиграло адское пламя, рот искривила ядовитая усмешка.

– Ты не убил меня, когда я был в твоих руках! – заорал сьер Жиро. – Ну а теперь прощайся с жизнью. Я не буду таким благородным и разделаюсь с тобой.

В тот же момент он занес над головой огромный меч и с чудовищной силой опустил его перед собой, рассекая воздух. Меч вошел в камень, на котором стоял великан, застряв в нем. Тогда мой благородный зять быстрее молнии направил свой удар снизу вверх, пропоров противнику брюшину, достигнув сердца.

Но должно быть, у проклятого де Вавира было два сердца, потому что тот только засмеялся, отплеываясь кровью, и, выхватив из-за пояса длинный нож, бросился на Жака».

Взоры присутствующих обратились на Анну, и та невольно залилась краской, проклиная старого болтуна. От раза к разу повествования графа становились все более и более кучерявыми и долгими. Все больше поединок напоминал какую-то полузабытую сказку, к которой реальность не имела ровным счетом никакого отношения.

Всем своим видом Анна показывала, как ей неприятно говорить о недавних событиях, уступая, таким образом, эту возможность болтливому графу.

Тем не менее нельзя же вот так переходить из дома в дом, не проронив при этом ни единого слова. Поэтому, когда местная знать уразумела, что юный рыцарь Жак ле Феррон не хочет рассказывать о поединке, его начали пытаться о событиях, происходящих вокруг снятия осады с Орлеана, о которых он, как рыцарь из отряда маршала де Рэ, должен был знать не понаслышке.

В один из таких дней, находясь в гостях у коменданта Нанси, Анна рассказала о битве за крепость Сен-Лу.

На самом деле ей было сложно начать рассказ, так как не было до конца понятно, как объяснить, отчего вообще Жанна направила свои войска против одного из самых укрепленных фортов лорда Тальбота сразу после того, как ее войска освободили Орлеан и не успели даже как следует отдохнуть.

Говоря по правде, никуда она их не посылала и не собиралась этого делать. Юная, но мудрая Дева прекрасно разбиралась в военном деле и не стала бы до времени трогать своих людей, но они...

Семь долгих месяцев длилась осада Орлеана, в течение которых город находился в состоянии жестокой блокады. Семь долгих месяцев запертые за своими стенами французы могли только обороняться. Дети забыли, что такое зеленые поля и чистые реки, город был серым от пыли, уставшим и изможденным.

Давно уже никто не пел веселых песен, молодые люди не назначали свиданий, не играли свадеб. Не было достойных

поединков – это невозможно, когда каждый человек на счету! В общем, люди застоялись в блокаде, подобно тому, как благородное вино задыхается в непрочной бутылке, превращаясь в уксус.

И вот в один прекрасный день появляется благословенная весть о том, что к Орлеану спешит во главе могучего войска посланная Богом Дева! Потом в город поступает продовольствие. Горожане видят Жанну и понимают, что уже очень скоро сумеют посчитаться с англичанами.

Жанна вновь зажгла сердца этих людей, вдохнула в них смелость и воинскую доблесть. Поэтому неудивительно, что горожане Орлеана и особо отчаянные и недисциплинированные солдаты Жанны решились собственными силами взять находящийся по соседству Сен-Лу.

Ничего никому не говоря и не дожидаясь разрешения, они вышли из ворот Орлеана и неорганизованно пошли на Сен-Лу, где их поджидал боеспособный гарнизон, состоящий из ветеранов-англичан. Предприятие было неоправданным риском, тем более что англичане уже привыкли к виду спин бегущих от них французов и без колебаний вышли навстречу атакующим.

В поле тут же закипела суровая военная работа, привыкшие к победам англичане оскорбляли атакующих, смеясь им в лицо и осыпая их откровенными издевательствами. Мечи сталкивались с боевыми топорами, копыта коней топтали пехотинцев, визжали мортиры. Устроившиеся за укрепления

ми арбалетчики расстреливали французов на расстоянии.

Увидев с высот своих башен, какая каша заварилась в поле, на помощь англичанам пришли свежие силы из форта Париж и обратили часть французских воинов в бегство.

Жанна пришла на подмогу своим людям, когда они уже были обречены на поражение. Со знаменем в руках, в развевающейся на ветру епанче Дева неслась во главе конницы. Она сразу же врезалась в самую гущу дерущихся, размахивая своим знаменем и призывая французов не сдаваться. Захваченная боем, она продиралась сквозь толпу народа и на какой-то момент оказалась отрезанной от своего же войска.

И тут кто-то из офицеров Жанны приказал встать кольцом вокруг нее, что было сразу же и сделано. Ощетинившись копьями и мечами, этот живой круг бился, пульсируя и отражая немыслимые выпады англичан, желающих только одного – добраться до «французской колдуньи».

Слава создателю! Этот круг существовал всего несколько минут, стоивших многим достойным рыцарям жизни, очень скоро на помощь прорвались основные силы, которые и смели англичан. Дождавшись подкрепления, Жанна повела французов на штурм Сен-Лу, у стен которой все еще шли ожесточенные бои, в то время как большая часть англичан успела скрыться за крепостными стенами, впервые за весьма долгое время готовясь к обороне.

В тот день Анна была одета в отличную от Жанны броню, так как войско не должно было увидеть сразу же двух «Дев».

Пробивая себе дорогу к стенам крепости, Анна старалась не выпускать Деву из поля зрения.

В какой-то момент, отражая удар палицы, Анна заметила, как рядом с Жанной мелькнул черный с блесками плащ сьера Дюнуа, бастарда Орлеанского, в следующее мгновение она увидела и его самого.

Дюнуа что-то доказывал Деве, показывая на Орлеан. Анна увидела, что Жанна решительно качала головой, показывая в сторону крепости, за стенами которой скрылись англичане. Ее глаза светились радостью и воинским задором.

Анна была вынуждена отвлечься от Жанны, чудом увернувшись от пущенного в нее дротика, рухнула на землю среди трупов, изо всех сил пихая сапогом подлетевшего к ней с ножом в руках английского солдата.

В этот момент прозвучала труба. Анна различила команду «На приступ», в тот же момент Жиро де Вавир опустил свою железную палицу на голову напавшего на Анну воина и, расквасив этим ударом череп под шлемом, отсалютовал ей.

Да, теперь она это точно вспомнила, это был именно Божье Наказание – один из лучших французских воинов, спасший в тот день ей жизнь. Почему-то после взятия Сен-Лу Анна позабыла об этом эпизоде, и только теперь он всплыл в ее памяти с неожиданной силой и остротой.

Снова зазвучали трубные звуки, и армия ответила им боевым кличем. Кричала и Анна. Не просто кричала, она орала что было сил, несясь в атаку теперь уже на своих двоих.

К стенам были приставлены лестницы, по ним полезли охочие до поживы воины. Но, как это обычно случается, первые лестницы были сброшены вниз, ломая кости смельчакам. Снова лестницы. Жанна выстроила арбалетчиков, приказав им снимать всех показывающихся на стене воинов. Это значительно упростило задачу.

Полбеда было с солдатами, которые скидывали лестницы, не давая смельчакам прорваться в Сен-Лу. Куда больше неприятностей приносили те, что кидали со стен огромные камни, убивающие сразу же по несколько человек. За попадание в этих геркулесов маршал де Рэ обещал награду, так что арбалетки могли, даже не влезая на крепостные стены, получить свои барыши.

Бой длился три часа, за которые волны человеческого моря то накатывали на отчаянно защищавшуюся крепость, то были вынуждены отступать прочь. Наконец на подмогу Жанне подоспел преданный ей капитан Ля Гир со своим отрядом, который и нанес англичанам сокрушительный удар, после чего французская армия взяла крепость.

Наконец-то воины узрели настоящую добычу, за самое короткое время из крепости Сен-Лу было вынесено все, что только можно было вынести, как говорили тогда, все, что не приколочено. Орлеанцы пополняли свои запасы, радуясь добыче, как дети подаркам на Рождество, воины Жанны тащили мешки и тюки, улыбаясь друг другу, – мол, «с добром уходим, зла не держим».

Проклиная несправедливую судьбу, хромой арбалетчик, рана которого не позволила ему пробраться в город, теперь был вынужден бродить по полю, грабя мертвых и извлекая свои и чужие арбалетные дротики из трупов и еще живых врагов. Двоих воинов, отказавшихся идти в крепость, так как во время сражения им посчастливилось взять в плен двух дворян-англичан, которых они боялись оставить без присмотра, Ля Гир теперь велел повесить в назидание остальным.

Их добыча по наследству перешла к нему.

Потом Анна была призвана сопровождать Деву, так что о дальнейшем разрушении крепости и судьбе ее защитников могла передать лишь то, что слышала от других.

Но в этом не было ничего особенного – крепость была разрушена и сожжена. Народ? Ну, что народ, кто с ним особо будет возиться? Нет людей, нет проблемы. Тех, что могли представлять какую-нибудь ценность, взяли в плен, остальных порешили за ненадобностью. Война...

Правда, Жанна спасла несколько священников, говоря, что не может поднять руки на слугителей Господа. Но это же ее право.

В пылу рассказа Анна совсем забыла, что не знает, где именно в этот момент были люди де Рэ, так что, услышь ее рассказ кто-то из ветеранов битвы за Сен-Лу, могли бы возникнуть ненужные вопросы. Но таковых в гостях у коменданта Нанси в тот день не оказалось. И она с успехом закон-

чила свой рассказ.

О том, как Анна ле Феррон чуть не погибла за Жанну Деву, и о счастье, которое ниспослал ей Господь

Все хотели услышать продолжение, но этого как раз Анна и не могла рассказать. Дело в том, что измученные боем свыше меры, они все вернулись за стены Орлеана, где спали несколько часов, даже не потрудившись поесть или привести себя в божеский вид.

Паж Жанны Леонель разбудил Анну, сообщив, что Дева желает пить, и она как телохранитель обязана испробовать предназначенные для Жанны кушанья.

Уставшая и не выспавшаяся Анна поднялась со своего ложа и, качаясь, проследовала в соседнюю комнатку, обычно занимаемую офицерами стражи, где осушила кубок вина и немного поковыряла предназначенную для Девы еду.

Какая ужасная ошибка, глупая небрежность, чуть не стоившая ей жизни. Обычно во время снятия пробы с еды, предназначенной для Жанны, она, так же как и другие девушки, пользовалась жабыим камнем, который следовало опустить в напиток. В этот раз Анна была настолько утомлена, что мало что соображала, двигаясь точно сомнамбула и, конеч-

но, не вспомнив ни о каком жабьем камне. Кивнув стражникам, что все в порядке, она хотела отправиться в свою каморку, как резкая боль поразила ее предательским, невидимым кинжалом в живот.

Анна поперхнулась и скорчилась, опрокидывая на себя поднос с завтраком для Жанны.

Тотчас был вызван лекарь, одновременно с тем стража бросилась на кухню в поисках отравителя. Обливаясь потом, Анна лежала на своей постели, ее внутренности пылали огнем, пронзая тело жуткой болью.

Три дня длилась болезнь. Наконец дежурившие у постели лекари сообщили Жанне, что опасность миновала, и сильный молодой организм ее телохранительницы справился.

Еще неделю Анна не касалась никаких дел, отдыхая после перенесенного несчастья.

Любопытно, что именно благодаря отравлению и последующему излечению Анна и узнала по-настоящему Жилия Лавалья и полюбила его.

Но об этом она не могла ничего рассказать собравшимся у коменданта гостям. А жаль. Жанна по своей доброте и благородству приравняла отравление Анны к ранению, вынеся ей благодарность и впервые при всех назвав своей подругой. А это чего-то да стоит! Стоит самых больших наград, стоит земель, титулов и денег! Честь быть другом Жанны, честь умереть за нее! Честь, о которой Анна должна была молчать, но которую не променяла бы на все золото мира!

Некоторое время выздоравливающую Анну никто не трогал. Пара улыбочивых служанок, которые ухаживали за пострадавшей, нахальный смазливый паж, служивший прежде у кого-то из генералов и отданный Анне для срочной связи со штабом и передачи сообщений от Девы, вот и вся нехитрая свита.

Анна почти ничего не ела, но зато на второй день лекарю Леопольду Тирсе удалось-таки остановить ужасную рвоту, и за это ему уже следовало сказать спасибо. Утомленная, обессиленная Анна лежала в своей комнате, изредка и при помощи все тех же служанок поднимаясь по нужде.

Через неделю ей сделалось лучше, и она смогла, одевшись, прогуляться по дому коменданта. Теперь у нее было время и желание рассмотреть его. Дом был старым и заслуженным, точно бывалый, но еще крепкий вояка. Парадные залы отделаны новыми матерчатыми обоями, на окнах свежие, дорогие гардины. На полу были расстелены ковры, в приемном зале вязаный красный, в будуаре дочери коменданта – пушистый и мягкий.

Во всех комнатах, кроме помещений для стражи и казарм, была довольно-таки изящная мебель, резные стулья и кресла, небольшие, но удобные кровати. Повсюду были расставлены и развешены недорогие, но симпатичные подсвечники. Литые приборы для письма были сделаны таким образом, что ни даме, ни рыцарю, если только они имели навык пись-

ма, было бы не зазорно пользоваться такими приятными и красивыми вещами.

В оружейной комнате царил полнейший порядок и чистота. Любая вещь, даже мизерикордия, с помощью которой дед нынешнего градоначальника избавил от предсмертных мук своего старшего брата, после которого все состояние семьи досталось ему, сияла и сверкала, точно прославленный воин мог вернуться с того света и взять ее в руки.

Правда, здесь почти не было доспехов, но комендант объяснил Анне, что доспехи находятся в комнатах рыцарей, которым они принадлежат, за исключением снаряжения, пожертвованного храмам после ранений, как это было принято с незапамятных времен.

Комендант лично препроводил Анну в замковую церковь. На стенах ее действительно висели великолепные доспехи. С замиранием сердца Анна трогала латы героев, о которых она слышала от отца, представляя, что разговаривает с их бывшими владельцами.

По словам Дюнуа, бастарда Орлеанского, в то время, когда город находился в осаде, доспехи были выставлены в главном соборе, где им поклонялись воины и простые люди. Так, считалось, что если женщина оботрет платком нагрудник на доспехах и затем протрет этим же платком грудь своего мужа, то ему не страшна целый месяц стрела неприятеля или удар каким-то другим оружием. То же говорили о шлемах, наколенниках, боевых перчатках и сапогах. Поэтому все ла-

ты были исправно обтерты заботливыми руками женщин.

Мужчины клялись пред доспехами, что будут защищать Орлеан и его жителей до последней капли крови. Детям показывали вооружение знаменитых рыцарей прошлого, надеясь, что это вдохнет в них мужество.

Не имея еще достаточно сил для того, чтобы выйти в город, Анна гуляла по замку в ночное время, когда было меньше шансов встретиться с другими людьми. В последнее время ее все раздражало, она словно хотела чего-то, стремилась к недостижимому свету, который постоянно ускользал от нее, не давая даже как следует разглядеть себя.

Анна жаждала любви, а любви не было. Конечно, она была окружена блистательными рыцарями, каждый из которых мог составить ей великолепную партию. Но она чувствовала, что все это было не то.

Прикрываясь долгом службы, она отклоняла сыпавшиеся к ее ногам титулы и земли, обижала прославленных воинов и влюбленных в нее или, точнее, в тень великой Жанны, вельмож.

«Что же я делаю? – в ужасе спрашивала она себя, глядя в зеркало, когда придворный цирюльник в очередной раз подстригал ее темно-каштановые волосы. – Сейчас я красива, молода, похожа на Жанну. Любой неженатый щеголь, любой генерал Жанны может быть моим. Но я не могу выбрать ни одного из них. Не могу, потому что жду чего-то другого, ко-

го-то другого. Но кого? Жду любви, будь она проклята».

В ту памятную ночь Анна дождалась, когда прислуга уляжется спать, и поднялась с постели. Надела бархатный костюмчик, один из тех, которые помогали ей достичь наибольшего сходства с Жанной, шапочку с павлиньим перышком, которая ей так шла. Бросив взгляд в зеркало, она отметила, что если не считать некоторой бледности и худобы из-за болезни, то выглядит она очень даже хорошенькой. Особенно понравились ей глаза – блестящие с колдовской поволокой, как у самой Жанны.

Крадучись, Анна вышла из комнаты. Дом коменданта она изучила как свои пять пальцев. Больше всего в доме ей нравилась небольшая, совершенно пустая галерея с коричневыми колоннами, выполненными из яшмы. Здесь гулял ветер и жило эхо. Через эту галерею можно было попасть в коридорчик с гостевыми комнатами, где жила Жанна и две телохранительницы. По причине нездоровья Анну поселили в комнате большего размера, нежели она занимала здесь – поближе к лекарю, подальше от возможных неприятностей, которые поджидали Деву и ее «отражения».

Мягкие сапожки касались каменного пола почти бесшумно. Анна вспомнила, как хозяин дома рассказывал о том, что в этой галерее несколько раз видели призраков, и перекрестилась.

Наверное, было глупо идти сюда, где стража охраняет личные покои Девы и где ее могут поймать или, того хуже, при-

стрелить. Анна хотела уже повернуть обратно, когда ей слышался какой-то шорох, и тут же ледяное дуновение ветра, точно рука призрака, дотронулось до ее лба, шевельнув перышко на шляпе.

Анна прижалась к колонне, читая молитву и жалея, что не прихватила с собой оружия, хотя какое оружие может пронзить призрака? Кто-то коснулся ее плеча.

Анна резко обернулась, но этот кто-то нежно и властно запечатал ее губы поцелуем. Мгновение девушка старалась вырваться из объятий незнакомца, а после обмякла в них, смирившись с неизбежным.

Неожиданно она оказалась свободной. Анна хватала ртом воздух, перед ней стоял красивый, словно молодой Аполлон, Жиль де Лаваль.

– Как ты похожа на нее, прекрасная Анна! – он отстранился от девушки, рассматривая ее с ног до головы. – Ты совершенна, как только может быть совершенен земной человек, земная женщина. Я люблю тебя, – он тихо рассмеялся и, видя, что Анна зарделась и пытается уйти, нежно взял ее за руку и поцеловал.

– Что вы делаете, благородный рыцарь?! – Анна хотела кричать, но вместо этого зашептала, не умея скрыть охватившего ее смущения. – Да если я пожалею Жанне...

– Пожалуйся, несравненная. Как еще я могу доказать тебе свою любовь? Только умереть с твоим именем на устах. С твоим поцелуем на устах.

Анна отвернулась, не в силах скрыть предательскую улыбку.

– Прошу вас, сьер де Лаваль. Оставьте меня, сюда в любой момент могут выйти офицеры стражи или слуги, – пролепетала Анна, чувствуя, как ее собственные, вдруг разбуженные чувства объявляют о своей полной и безоговорочной капитуляции.

– Я уйду, только если ты согласишься прийти еще раз, милая Анна, война есть война – мы оба можем погибнуть, и что тогда? Всю жизнь сожалеть о том, что из-за глупой осторожности не вкусил счастья?

– Но слуги, – Анна повернулась к Жилью и тут же ткнулась лицом в его грудь. Мягкие, теплые объятия скрыли ее от остального мира, его губы нежно и ласково целовали ее глаза, щеки, подбородок. Истомленная в неведомых ей до этого момента ласках Анна чуть не потеряла сознание, держась на плаву лишь мыслью, что в галерею в любой момент может кто-нибудь войти. – Постойте, Жиль, побойтесь слуг...

– Чтобы Жиль де Лаваль, маршал де Рэ, боялся слуг?! – он засмеялся, запрокинув голову, и тут же снова принялся целовать Анну. – Нет, слуг я не боюсь, их господ тоже. Не боюсь ни черта, ни дьявола.

– Но огласка... – простонала Анна, отвечая на поцелуи и желая только одного – умереть прямо сейчас в объятиях Жилия.

– Неужели ты думаешь, что я позволил бы ослабить имя

женщины, которую люблю? Я убил бы любого, кто застал бы нас вдвоем. Вот и все. Как видишь, все просто, твоя честь не пострадает!

Их первая встреча в продуваемой всеми ветрами галерее, подобно прекрасной драгоценности, навсегда сохранилась в сердце Анны.

Почему-то так получалось, что чем больше балагурил и хвастался граф Гийом ля Жюмельер, тем задумчивее становилась Анна, ведь на всякую побасенку «будущего тестя» у нее была своя, известная только ей правда, тем не менее она вовсе не стремилась раскрывать ее перед случайными знакомыми графа или гостями коменданта Нанси.

Кроме того, она боялась слишком часто показываться на публике. Поэтому, не дав словоохотливому графу допеть своей лебединой песни, Анна засобиравалась домой. Несчастный сьер ля Жюмельер был вынужден сопровождать своего будущего зятя, не без основания опасаясь, как бы тот не перепутал дороги и не свернул в сторону от его замка.

О том, как Брунисента готовилась к свадьбе, а ее отец со свитой встретились с баронами лесов Нанси

Вопреки обыкновению Брунисента плохо спала ночь. Причиной тому были папильотки, на которые новая служанка накрутила ее волосы. Проклятые папильотки были жесткими словно камни и больно тянули волосы. Вторая причина ее состояния – горестные думы о своей безрадостной доле и прекрасном рыцаре, который приходил к ней лишь во сне. Вместо рыцаря на ее дороге оказывались то рано погибший Жак, то рыжее чудовище Божье Наказание, то вот теперь Анна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.